

Цена отдельн. № в Москве, провинции и на жел.-дор. ст. 5 копеек

ИЗВЕСТИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

Центрального Исполнительного Комитета

СОЮЗА

СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

и

Всероссийск. Центральн. Исполнител. комитета

СОВЕТОВ

Рабочих, Крестьянских и Красноарм. депутатов.

№ 110 (2741).

СУББОТА, 15 мая 1926 г.

ТЕАТР — МУЗЫКА — КИНО.

„Дядя Ваня“.

(Московский Художественный театр).

В годы революционных бурь пять пьес, написанных А. П. Чеховым, одна за другой сошли со сцены, став вновь достоянием только читателя, а не зрителя. Для Чехова-драматурга наступило забвение, только неясно чувствовалось, что рано или поздно эта полоса может смениться внимательным пересмотром. В этом сезоне — сезоне «мирного строительства» вопрос о возвращении чеховской драмы в репертуар как-раз и встал на очередь. Одновременно стало очевидным, что в разрешении этого вопроса надо идти не кабинетным, а опытным путем, выверяя на публике степень и качество звучания старого текста в условиях нового социального резонанса. Поэтому возобновление московским Художественным театром «Дяди Ваня» и выросло в своем принципиальном значении. Не разрешив общего вопроса о «судьбе» драматургии Чехова в целом, в более узкий вопрос о самом «Дяде Ване» это возобновление внесло определенную ясность.

Вопреки ожиданию, однако, существенным оказалось не то, что «Дядя Ваня» устарел или нет, а то, что изменилось самое восприятие пьесы. Если мы попытаемся мысленно воскресить эмоциональную атмосферу, окружавшую в прошлом этот спектакль, то нас поразит, как в сущности однообразно воспринималась сложная чеховская партитура. Над многообразными чувствами, закрепленными в пьесе, доминировала лишь мелодия тоски талантливых людей, обреченных на бездействие и гибель в обывательском болоте. Весь риск попытки Художественного театра вернуть «Дядю Ваню» на сцену и заключался в опасности попасть в стремнину дореволюционных ощущений.

К счастью, когда «Дядю Ваню» вновь осветили огни рампы, то эти «сцены из деревенской жизни» обнаружили светлые и радужные письмо. За серой пеленой оказалась иная эмоциональная первооснова.

В переживаниях и образах дяди Ваня Астрова, Соии и Елены Андреевны разлились иные голоса. Мужеством очищаемые иные голоса. Мужеством очищаемые страдания и потому уже не только страдания, подвиг будней, астровский молодой лес, жаркая стихия сердца, сплетенная с шумом зеленых ветвей, — все это воспринималось, как самая природа пьесы. И, контрастируя эту положительную тематику, еще острее и язвительнее прозвучала злая ирония Чехова против мнимой культурности Серебряковых.

Весь этот строй чувств возник, разумеется, на основе исполнения. В лице К. С. Станиславского — Астрова, А. Л. Вишневского — дяди Ваня и новой Соии — А. К. Тарасовой — «Дядя Ваня» нашел превосходных истолкователей. Все так же молодо играет Станиславский Астрова, его походка легка, весь облик светится необычайной праздничностью. В галлерее чеховских сценических исполнений Вишневский — дядя Ваня одна из лучших фигур. Его «неудачный» выстрел в третьем действии психологически меток. В руках Тарасовой Соия приобретает литую пластичность. Огромная внутренняя сила соединена с прекрасной сдержанной формой. Коренева — Елена Андреевна использует лишь часть возможных ресурсов роли. Искусно и последовательно передавая «застенчивую» Елену, артистка, к сожалению, почти совсем зачеркивает основной план роли — план «вольной птицы», земной дремлющей силы.

Спектакль «Дяди Ваня» возвращает Художественный театр к временам «живого Чехова», к поре влюбленности актеров в своего автора. И эта необычность самого воздуха, в котором создавался этот музыкальный спектакль, придает ему особую прелесть, сохранившуюся и до наших дней.

Н. ВОЛКОВ.